

DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2019.4.6>

UDC 332.1
LBC 65.23

Submitted: 05.08.2019
Accepted: 09.09.2019

ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE MULTIETHNIC SOUTHERN RUSSIA¹

Anna V. Ermishina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article assesses the level and dynamics of the economic development of federal entities in the Southern Russian multiethnic and multicultural region. Most of these federal entities have geostrategic importance for Russia. The studies of past years suggest that high levels of social diversity tend to be associated with poor economic performance of a territory. Our study confirms the high level of interregional socio-economic inequality in territories of the North Caucasus Economic Region (without Crimea and Sevastopol) and their lagging behind the average Russian rates of the most important economic indicators. However, since 2005, relatively high rates of GRP (Gross Regional Product) per capita have been recorded in the entire region and in each individual federal entity as well. At the same time, regional economic policy is not effective enough: as to NCER, an active cluster policy in specialization industries is pursued only in Rostov region. The federal entities of the economic region were grouped by the level and dynamics of GRP, this outcome was compared with the results of a similar grouping of 2008. It was revealed that Krasnodar Krai remains the leader of the economic region, and the group of territories with positive dynamics includes the Republic of Adygea, Dagestan and Chechnya. A decrease in the socio-political tension would greatly contribute to the emerging economic growth in Ingushetia. The Republic of Kabardino-Balkarian and North Ossetia-Alania, in which the growth inhibitory factors require special research and consideration, remain “problematic” economic territories of NCER. The economic development of these NCER entities also depends on increasing the effectiveness of regional economic policies and supporting their “smart specialization”.

Key words: regional economy, North Caucasus economic region (NCER), multiethnic region, gross regional product, population, growth rate, regional economic policy.

Citation. Ermishina A.V. Economic Development of Regions in the Multiethnic Southern Russia. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 55-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2019.4.6>

УДК 332.1
ББК 65.23

Дата поступления статьи: 05.08.2019
Дата принятия статьи: 09.09.2019

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ ПОЛИЭТНИЧНОГО ЮГА РОССИИ¹

Анна Вениаминовна Ермишина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена оценка уровня и динамики экономического развития полиэтничных и поликультурных субъектов РФ на Юге России, большая часть которых относится к геостратегическим территориям России. В научной литературе сложилось устойчивое представление о том, что социальное разнообразие имеет негативное значение для экономического развития территорий. Исследова-

ние подтвердило высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства субъектов Северо-Кавказского экономического района (далее – СКЭР) (без Крыма и Севастополя) и их отставание по важнейшим экономическим показателям от среднероссийского уровня. Однако с 2005 г. для всего региона и каждого субъекта в отдельности характерны повышенные темпы роста показателя душевого ВРП. При этом региональная экономическая политика недостаточно эффективна: в СКЭР только в Ростовской области имеет место активная кластерная политика в отраслях специализации региона. Проведена группировка субъектов экономического района по уровню и динамике ВРП и сравнение с результатами подобной группировки 2008 г. Выявлено, что лидером экономического района по-прежнему остается Краснодарский край, а группа «динамичных» территорий включает Республики Адыгея, Дагестан и Чечня. Снижение социально-политической напряженности во многом бы способствовало наметившемуся росту экономики в Ингушетии. «Проблемными» в экономическом плане субъектами СКЭР по-прежнему остаются Кабардино-Балкарская Республика и Северная Осетия – Алания, факторы сдерживания экономического роста в которых требуют специального исследования. Экономическое развитие этих субъектов СКЭР также зависит от повышения эффективности региональной экономической политики, поддержки их «умной специализации».

Ключевые слова: региональная экономика, Северо-Кавказский экономический район, полиэтничный регион, валовой региональный продукт, численность населения, темп роста, региональная экономическая политика.

Цитирование. Ермишина А. В. Экономическое развитие регионов полиэтничного Юга России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2019. – Т. 21, № 4. – С. 55–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2019.4.6>

Постановка проблемы

Конкурентоспособность России в целом определяется конкурентоспособностью ее регионов. Юг России оказывается стратегически важной территорией страны в экономическом и в политическом плане. Так, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия) относит к приоритетным геостратегическим территориям субъекты РФ, расположенные на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесскую Республику, Кабардино-Балкарскую Республику, Республику Дагестан, Республику Ингушетия, Республику Северная Осетия – Алания, Чеченскую Республику, Ставропольский край), а Ростовскую область – к приграничным геостратегическим территориям. Высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства указан в Стратегии в числе первой проблемы пространственного развития России, прямо касающейся субъектов Юга России. К Югу России относится и отмеченная в Стратегии также в числе первых, проблема существенного отставания субъектов, имеющих геостратегическое значение, от среднероссийского уровня по важнейшим социально-экономическим показателям [Стратегия пространственного развития..., 2019].

Территория Юга России характеризуется высокой степенью разнообразия: этнического, культурного, религиозного. Между тем степень интегрированности территории и сплоченности населения оказывает существенное влияние на уровень ее экономического развития.

Цель исследования – оценить уровень и динамику экономического развития полиэтничных и поликультурных субъектов Юга России в последние десятилетия для выявления общих тенденций и перспектив.

Обзор литературы

В научной литературе сложилось устойчивое представление о том, что разнообразие имеет негативное значение для экономического развития территорий. Ряд зарубежных исследований разных лет подтверждает, что высокий уровень этнического разнообразия, как правило, связан с низким уровнем инвестиций, низким качеством государственного управления в результате неразвитых коммуникаций, низким уровнем организации коллективных действий и слабой сплоченностью населения из-за различий в системе ценностей этнических групп, низкими экономическими показателями [Rodrick, 1999; The Quality of Government, 1999; Grafton et al., 2004; Annett,

2001]. На этническое разнообразие приходится около 28 % разницы в росте между низкоинтегрированными странами Африки и более сплоченными странами Восточной Азии [Easterly et al., 1997]. Количественные измерения этнического разнообразия в Африке выявляют их сильную негативную связь с экономическим ростом [Posner, 2004].

Европейские исследования также показывают, что в странах ОЭСР существует сильная обратная связь между этнической фракционностью и экономическим ростом: увеличение этнической фракционности с 0 до 1 связано с сокращением экономического роста в странах ОЭСР на 1,99 % [Patsiurko et al., 2012].

В более ранней работе А. Алесина совместно с другими авторами обнаружили, что общины, расово и этнически фракционированные, как правило, испытывают большие трудности организации производства и финансирования общественных благ. Когда люди имеют разные предпочтения, этнические группы поляризованы, а политики тесно связаны с последними, выражают их специальные интересы, то признание получают только выгоды от общественных благ, которые накапливаются в их группах и обесценивают выгоды для других групп, и, как следствие, доля расходов на общественные блага в обществе в целом оказывается недостаточна [Alesina et al., 1999].

А. Алесина и соавторы предполагают, что переход от полной однородности (индекс 0) к полной гетерогенности (индекс 1) приводит к снижению годового роста территории на 1,9 %. Так, сравнивая Южную Корею с этническим индексом фракционирования 0,002 и Уганду, имеющую этнический показатель фракционирования 0,93, исследователи объясняют 1,8 % различий между их ростом разной степенью этнической фракционности [Fractionalization, 2003]. В работе Н. Кампоса и В. Кузеева также утверждается, что этническое разнообразие негативно влияет на экономический рост [Campos et al., 2007]. Однако работы П. Колиера и А. Хофлера выявили, что социальная (этническая, языковая и религиозная) фракционность не влияет на риски конфликта [Collier et al., 2002]. По мнению А. Алесины и Э. Ла Феррара, при более высоком уровне экономического развития, этническое разнообразие способно оказаться даже полезным для тер-

ритории: разнообразие различных навыков может сочетаться в процессе производства, что приведет к увеличению производительности, а также окажется фактором повышения экономического роста [Alesina et al., 2005].

Исследования американских ученых в 48 штатах США также обнаружили, что расовое разнообразие снижает рост валового национального продукта (далее – ВВП), в то время как языковое разнообразие повышает рост ВВП в Соединенных Штатах [Ratna et al., 2009]. В Китае выявили отрицательную связь между этническим разнообразием и экономическим ростом в китайских провинциях [Dincer et al., 2011]. Эти выводы также подтверждает Э. Герен, который обнаружил, что в выборке из 100 межстрановых кейсов этническое разнообразие оказывает сильное негативное влияние на экономический рост [Gören, 2014]. Д. Неттле с соавторами утверждают, что языковое разнообразие внутри страны коррелирует со снижением ряда показателей экономического развития страны, повышая уровень нестабильности в обществе [Cultural Diversity..., 2007]. На межстрановом уровне исследователями выявлено, что существенные лингвистические различия с соседними государствами также оказываются фактором снижения социальной стабильности. При этом религиозное разнообразие соседних народов имеет противоположный эффект, уменьшая общественную нестабильность, особенно при наличии значительного языкового разнообразия.

Сохраняющаяся на протяжении многих лет экономическая отсталость республик Юга России во многом является следствием их социальной фракционности: этнической, культурной, лингвистической, религиозной. В свою очередь, преодоление экономической отсталости и модернизация экономики республик послужит важным фактором повышения уровня социальной сплоченности полиэтничного и поликультурного Юга России и приведет к повышению конкурентоспособности региона в целом.

Объект исследования, данные и методы

Решение социально-экономических проблем региона требует диагностики факторов,

сдерживающих его развитие. В данной статье объектом исследования является СКЭР без учета Республики Крым и города Севастополя. Общероссийский классификатор экономических регионов определяет экономический район как часть территории страны, включающую несколько республик, краев, областей, автономные области, автономные округа, города федерального значения, характеризующихся экономико-географическим сходством [Общероссийский классификатор...]. Большая часть республик полиэтничного Юга России включена в СКЭР наряду с Краснодарским, Ставропольским краями и Ростовской областью. Все 10 субъектов СКЭР имеют тесные экономические связи, относительно сходные природные и климатические особенности, что позволяет рассматривать их совокупность как целостный экономический район с высокой степенью полиэтничности.

Для характеристики уровня развития полиэтничных территорий Юга России нами используется ряд статистических показателей: валовой региональный продукт (далее – ВРП), валовой региональный продукт на душу населения (душевой ВРП), численность населения. Оцениваемый временной интервал охватывает период с 2005 г. по 2017 г. в целях сопоставимости данных. Значения показателей в таблицах собраны Федеральной службой государственной статистики РФ.

Уровень и динамика валового регионального продукта

ВРП исследуемого экономического района составлял от 5,57 % в 2005 г. до 7,39 % в 2017 г. в ВРП по субъектам Российской Федерации всего, то есть последние 12 лет наблюдается рост доли суммарного ВРП СКЭР в общероссийском на 1,82 %, обеспеченный большей частью приростом доли ВРП Краснодарского края, Дагестана и Чечни в структуре ВРП экономического района (см. табл. 1).

По размеру ВРП в исследуемом экономическом районе все годы лидировал Краснодарский край с долей в общем ВРП СКЭР от 37,10 % в 2005 г. до 41,07 % в 2013 году. Лидерство по темпам роста ВРП с 2005 г. по 2017 г. принадлежит Чечне (в 7,8 раз), Ингу-

шетии (в 7,5 раз) и Дагестану (в 6,89 раз). В целом по экономическому району рост ВРП за 12 лет составил 5,5 раз, в то время как по России аналогичный показатель в том же периоде – 4,15 раза. Таким образом, СКЭР по уровню ВРП растет быстрее, чем Россия в целом. С темпами роста ниже, чем по России в целом, в регионе выросли только экономика Кабардино-Балкарской Республики (всего в 3,8 раза) и экономика Северной Осетии – Алании (ВРП увеличился в 4,11 раз).

Однако ВРП на душу населения в субъектах СКЭР значительно ниже, чем в России в целом. Даже в лидере экономического района – Краснодарском крае – максимальное значение этого показателя составило 82,18 % от российского значения (в 2013 г.). Однако положительная динамика показателя с 2005 г. имела место во всех субъектах СКЭР. Даже в наименее обеспеченной Ингушетии в 2005 г. доля душевого ВРП от среднероссийского уровня составляла всего 13,87 %, а в 2014 г. – уже 27,95 %, в 2017 г. – 22,51 % (см. табл. 2).

ВРП на душу населения с 2005 г. по 2017 г. рос более быстрыми темпами, чем в России в целом, практически во всех субъектах СКЭР, кроме Кабардино-Балкарии (в 3,79 раза в сравнении с 4,06 раз по России в целом). Лидером по темпу роста ВРП на душу населения в сравнении с 2005 г. оказалась Ингушетия (в 6,59 раз), за ней следует Чеченская Республика (в 6,26 раз), Дагестан (в 6,03 раза).

Тенденцию роста ВРП на душу населения следует считать положительной в том случае, если в экономическом районе не наблюдается убыль населения. Общая численность населения СКЭР увеличилась с 18,9 млн чел. в 2005 г. до 20,1 млн чел. в 2017 г., то есть на 6,14 %, однако доля населения СКЭР в численности населения Российской Федерации выросла незначительно: с 13,22 % до 13,69 %. Положительный прирост населения СКЭР за эти годы был обеспечен существенным приростом населения с темпами выше, чем в целом по экономическому району, в Чеченской Республике (24,71 %), Дагестане (13,79 %), Краснодарском крае (9,29 %), Ингушетии (16,91 %). В то же время в ряде субъектов района наблюдается отрицательный прирост населения (Ростовская область, КБР, Северная Осетия – Алания) (см. табл. 3).

Таблица 1

Валовой региональный продукт субъектов Юга России, млн рублей

Показатели, регионы	Годы				
	2005	2010	2011	2012	2013
ВРП по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) – всего	18 034 385,2	37 687 768,2	45 392 276,7	49 926 068,7	54 103 000,3
Северо-Кавказский экономический район (без Республики Крым и г. Севастополь)	1 005 080,0	2 627 005,0	3 133 743,0	3 577 390,0	4 049 193,0
Краснодарский край	372 929,8	1 028 308,4	1 244 652,8	1 459 490,8	1 662 969,1
Ростовская область	263 051,5	659 667,4	765 967,2	843 560,3	917 689,1
Ставропольский край	146 569,3	330 790,8	396 791,6	431 753,4	480 905,3
Республика Дагестан	90 442,6	274 354,2	330 322,8	374 710,3	452 882,2
Чеченская Республика	22 898,9	70 694,9	86 623,0	102 289,1	122 402,8
Кабардино-Балкарская Республика	36 833,4	77 086,4	90 594,5	106 711,2	110 971,5
Республика Северная Осетия – Алания	31 182,2	75 327,4	85 876,7	97 448,8	118 637,5
Республика Адыгея	17 029,1	47 194,5	56 803,3	65 300,4	70 862,3
Карачаево-Черкесская Республика	16 724,3	43 651,5	49 252,1	58 712,1	66 106,6
Республика Ингушетия	7 419,3	19 929,1	26 858,9	37 413,9	45 766,7

Окончание таблицы 1

Показатели, регионы	Годы			
	2014	2015	2016	2017
ВРП по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) – всего	59 188 270,3	65 750 633,6	69 254 134,3	74 926 791,6
Северо-Кавказский экономический район (без Республики Крым и г. Севастополь)	4 446 166,0	4 916 013,0	5 176 151,0	5 537 189,3
Краснодарский край	1 784 833,5	1 933 512,1	2 015 934,7	2 225 917,7
Ростовская область	1 007 758,8	1 189 144,0	1 270 891,5	1 347 142,8
Ставропольский край	540 796,8	621 198,3	651 925,0	665 422,4
Республика Дагестан	528 131,3	569 297,3	597 096,7	623 392,6
Чеченская Республика	148 942,1	154 401,4	166 711,2	178 912,2
Кабардино-Балкарская Республика	116 886,0	120 528,8	132 706,9	138 489,2
Республика Северная Осетия – Алания	125 960,5	126 051,2	125 498,3	128 221,6
Республика Адыгея	75 622,5	84 306,0	91 352,4	99 405,9
Карачаево-Черкесская Республика	65 326,6	67 482,7	73 151,3	74 670,6
Республика Ингушетия	51 908,2	50 091,0	50 882,9	55 614,3

Примечание. Составлено по: [Регионы России..., 2018].

Таблица 2

Валовой региональный продукт на душу населения в субъектах Юга России, рубли

Показатели, регионы	Годы				
	2005	2010	2011	2012	2013
ВРП по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) – всего	125 658,7	263 828,6	317 515,3	348 641,5	377 006,0
Северо-Кавказский экономический район (без Республики Крым и г. Севастополь)	53 112,8	135 846,4	161 265,0	183 219,1	206 294,7
Краснодарский край	72 794,1	196 914,3	236 750,6	274 995,7	309 837,7
Ростовская область	60 575,0	154 127,9	179 470,3	198 129,2	215 923,2
Ставропольский край	53 414,6	118 920,6	142 409,2	154 811,0	172 204,2
Республика Адыгея	38 514,5	107 297,5	128 749,3	147 262,9	159 096,3
Республика Дагестан	33 839,8	94 883,6	113 034,2	127 528,7	153 260,9
Республика Северная Осетия – Алания	44 127,2	105 781,6	120 824,3	137 721,8	168 268,3
Карачаево-Черкесская Республика	36 971,7	91 782,3	103 462,3	124 058,6	140 400,9
Кабардино-Балкарская Республика	42 253,1	89 668,3	105 412,7	124 226,6	129 236,2
Чеченская Республика	20 038,4	55 995,7	67 220,5	77 877,2	91 646,1
Республика Ингушетия	17 435,1	48 239,2	63 569,7	85 737,9	102 241,5

Окончание таблицы 2

Показатели, регионы	Годы			
	2014	2015	2016	2017
ВРП по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) – всего	405 147,7	449 097,9	472 161,9	510 253,1
Северо-Кавказский экономический район (без Республики Крым и г. Севастополь)	225 179,4	247 515,3	259 126,9	275 948,1
Краснодарский край	328 771,2	352 601,2	363 731,3	398 397,2
Ростовская область	237 465,8	280 522,0	300 186,2	318 782,2
Ставропольский край	193 349,6	221 814,1	232 582,0	237 436,5
Республика Адыгея	168 880,1	187 211,1	201 918,1	219 259,4
Республика Дагестан	177 395,3	189 575,2	197 141,0	204 197,4
Республика Северная Осетия – Алания	178 762,8	178 921,1	178 390,3	182 518,5
Карачаево-Черкесская Республика	139 156,0	144 061,8	156 602,4	160 110,5
Кабардино-Балкарская Республика	135 984,6	139 908,7	153 710,9	160 077,0
Чеченская Республика	109 649,0	111 705,4	118 696,4	125 471,2
Республика Ингушетия	113 224,9	106 955,7	106 756,6	114 844,1

Примечание. Составлено по: [Регионы России..., 2018].

Таблица 3

**Численность населения в субъектах Юга России
(оценка на конец года), тыс. человек**

Регионы	Годы				
	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	143 236,6	142 865,4	143 056,4	143 347,1	143 666,9
Северо-Кавказский экономический район (без Р Крым и г. Севастополь)	18 937,5	19 384,1	19 480,4	19 570,0	19 686,4
Краснодарский край	5 127,3	5 230,0	5 284,5	5 330,2	5 404,3
Ростовская область	4 332,4	4 275,2	4 260,6	4 254,6	4 245,6
Республика Дагестан	2 692,6	2 914,2	2 930,5	2 946,0	2 963,9
Ставропольский край	2 746,9	2 785,5	2 787,0	2 790,8	2 794,5
Чеченская Республика	1 152,3	1 275,1	1 302,2	1 324,8	1 346,4
Кабардино-Балкарская Республика	866,2	859,8	859,0	858,9	858,4
Республика Северная Осетия – Алания	706,9	712,5	709,0	706,1	704,0
Республика Ингушетия	417,4	414,5	430,5	442,3	453,0
Карачаево-Черкесская Республика	454,5	477,4	474,7	471,9	469,9
Республика Адыгея	441,0	439,9	442,4	444,4	446,4

Окончание таблицы 3

Регионы	Годы			
	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	146 267,3	146 544,7	146 804,4	146 880,4
Северо-Кавказский экономический район (без Р Крым и г. Севастополь)	19 803,6	19 919,3	20 031,4	20 100,7
Краснодарский край	5 453,3	5 513,8	5 570,9	5 603,4
Ростовская область	4 242,1	4 236,0	4 231,3	4 220,4
Республика Дагестан	2 990,4	3 015,7	3 041,9	3 063,9
Ставропольский край	2 799,5	2 801,6	2 804,4	2 800,7
Чеченская Республика	1 370,3	1 394,2	1 414,9	1437
Кабардино-Балкарская Республика	860,7	862,2	864,4	865,8
Республика Северная Осетия – Алания	705,2	703,7	703,3	701,8
Республика Ингушетия	463,9	472,8	480,5	488,0
Карачаево-Черкесская Республика	469,0	467,8	466,4	466,3
Республика Адыгея	449,2	451,5	453,4	453,4

Примечание. Составлено по: [Регионы России..., 2018].

Группировка субъектов СКЭР по уровню развития экономики

Оценка экономических показателей субъектов СКЭР представлена в табл. 4.

На основе анализа вышеприведенных данных субъекты СКЭР по уровню и темпам экономического развития объединены в несколько групп, критериями для формирования которых служат статистические показатели уровня и динамики ВРП (табл. 5). По уровню ВРП на душу населения субъекты СКЭР могут быть разделены методом равных интервалов на три группы: с «высокими», «средними» и «низкими» значениями показателя. Динамика экономического развития оценивается темпами роста душевого ВРП. Показатель «темпа роста ВРП на душу населения» в субъекте признается «высоким», если его значение выше, чем в целом по экономическому

району при одновременном отсутствии убыли населения. «Средний» темп роста ВРП на душу населения – при темпе роста ниже, чем в СКЭР, но выше, чем в России в целом при росте населения, а «низкий», если в субъекте экономического района одновременно наблюдается темп ВРП ниже российского при отрицательном приросте численности населения.

Краснодарский край – субъект с высоким относительно других субъектов уровнем ВРП на душу населения, в котором наблюдается прирост населения (9,29 % с 2005 г.) при одновременно высоких темпах роста ВРП на душу населения.

Ростовская область также имеет высокий относительно других субъектов уровень ВРП на душу населения и выше, чем в целом по экономическому району темпы роста душевого ВРП, однако в последние годы в регионе наблюдается убыль населения (-2,59 % с 2005 г.).

Таблица 4

Ключевые показатели экономического развития Северо-Кавказского экономического района

Регионы	Показатели		
	Уровень ВРП на душу населения, руб. (2017)	Динамика численности населения (2017 / 2005), %	Темп роста ВРП на душу населения (2017 / 2005), раз
Российская Федерация	510 253,1	2,54	4,06
Северо-Кавказский экономический район (без Крыма и Севастополя)	275 948,1	6,14	5,20
Краснодарский край	398 397,2	9,29	5,47
Ростовская область	318 782,2	-2,59	5,26
Ставропольский край	237 436,5	1,96	4,45
Республика Адыгея	219 259,4	2,81	5,69
Республика Дагестан	204 197,4	13,79	6,03
Республика Северная Осетия – Алания	182 518,5	-0,72	4,13
Карачаево-Черкесская Республика	160 110,5	2,60	4,33
Кабардино-Балкарская Республика	160 077,0	-0,05	3,79
Чеченская Республика	125 471,2	24,71	6,26
Республика Ингушетия	114 844,1	16,91	6,6

Примечание. Рассчитано автором по данным таблиц 1–3.

Таблица 5

Группировка субъектов Северо-Кавказского экономического района по уровню и динамике душевого ВРП

Уровень ВРП	Темп роста ВРП		
	высокий	средний	низкий
высокий	Краснодарский край	Ростовская область	–
средний	Адыгея; Дагестан	Ставропольский край	–
низкий	Ингушетия; Чечня	Карачаево-Черкесская Республика	Кабардино-Балкарская Республика; Северная Осетия – Алания

Примечание. Составлено автором.

Ставропольский край – субъект со средним относительно других уровнем душевого ВРП, здесь имеет место некоторый прирост населения с 2005 г. (1,96 %), а темпы роста ВРП на душу населения ниже, чем по СКЭР в целом, но выше среднероссийских.

Экономическое развитие Республики Адыгея характеризуется также средним показателем душевого ВРП при некотором приросте населения (2,81 % с 2005 г.) и высокими темпами роста душевого ВРП.

Республика Дагестан имеет средний ВРП на душу населения относительно других субъектов экономического района при существенном приросте населения (13,79 % с 2005 г.) и темпах роста душевого ВРП выше, чем по экономическому району в целом.

В Республике Ингушетии самый низкий показатель уровня ВРП на душу населения среди субъектов экономического района (в 2,4 раза ниже, чем в целом по СКЭР), однако при существенном приросте населения (16,91 % с 2005 г.) наблюдаются высокие темпы роста душевого ВРП.

У Чеченской Республики также низкий уровень ВРП на душу населения, самый значительный в СКЭР прирост населения (24,71 % с 2005 г.) и высокие темпы роста ВРП на душу населения.

Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики имеют примерно равные низкие уровни ВРП на душу населения и темпы его роста ниже, чем по экономическому району в целом. При этом в КБР наблюдается убыль населения (-0,05 % с 2005 г.), а в КЧР – прирост на 2,6 %.

Республики Северная Осетия – Алания – субъект экономического района с низким уровнем душевого ВРП, в котором наблюдается убыль населения (-0,72 % с 2005 г.) при темпах роста ВРП ниже, чем по СКЭР в целом, но чуть выше, чем российские.

Полученную группировку субъектов Северо-Кавказского экономического района интересно сравнить с группировкой, проведенной по данным с 1995 г. по 2008 г. и представленной коллективом авторов под руководством Б.С. Жихаревича [Регионы Северо-Кавказского федерального округа..., 2010, с. 25–26].

Так, в 2008 г. Ставропольский край был отнесен исследователями в группу «претен-

денты на лидерство» как субъект с нормальным уровнем ВРП на душу населения, но развивающийся недостаточно высокими темпами. Спустя 10 лет экономическое развитие края заслуживает аналогичной оценки.

К «динамичным» – субъектам с низким душевым ВРП и высокими темпами роста – исследователи отнесли в 2008 г. Республику Дагестан, Республику Северная Осетия – Алания и Карачаево-Черкесскую Республику. По нашим оценкам Дагестан улучшает свои позиции в последние годы, сохраняя высокие темпы роста душевого ВРП. А вот Карачаево-Черкессию и Северную Осетию – Аланию уже трудно назвать «динамичным» по темпам роста ВРП на душу населения (см. табл. 4).

Кабардино-Балкарская Республика была включена в 2008 г. в группу «проблемных» – субъектов, имеющих низкие показатели ВРП на душу населения, невысокие или отрицательные темпы роста при достаточно устойчивой социально-политической ситуации [Регионы Северо-Кавказского федерального округа..., 2010, с. 25–26]. За 10 лет экономическая ситуация здесь не изменилась, а наметившаяся с 2003 г. тенденция снижения численности населения стала устойчивой, что свидетельствует о затянувшейся экономической стагнации в республике.

Чеченская республика и Ингушетия на 2008 г. были включены исследователями в группу «особых» территорий в постконфликтном состоянии (Чечня) или высокой социально-политической напряженности (Ингушетия) [Регионы Северо-Кавказского федерального округа..., 2010, с. 25–26]. При этом оба субъекта имели с низкие значения душевого ВРП и невысокие темпы роста. В отличие от Ингушетии, Чеченская Республика в конце 2000-х гг. обладала достаточными финансовыми ресурсами для экономического развития. В последние годы уровень конфликтности в Чеченской Республике заметно снизился и республику в полной мере можно отнести к «динамичным» субъектам СКЭР. В Ингушетии, самом отсталом по уровню душевого ВРП субъекте, сохраняется и в настоящее время самый высокий уровень социально-политической напряженности в экономическом районе, однако республика показывает высокие темпы роста ВРП.

Региональная экономическая политика: новый вектор

Решение первоочередных проблем экономического развития СКЭР требует консолидации усилий бизнеса, общества и власти. Региональная экономическая политика будет успешна тогда, когда ресурсы концентрируются на приоритетных направлениях территорий, соответствующих отраслевой специализации и перспективам будущего развития. Между тем при реализации экономической политики поддержки региональной экономики на федеральном уровне в целом слабо учитывается специализация территорий, определенная методом значимых кластерных групп, состоящих из торгуемых отраслей. Для торгуемой отрасли характерны отсутствие связи между увеличением населения и ее укрупнением, а также более высокие в сравнении с локальными отраслями показатели производительности труда. Кластерная группа включает несколько связанных друг с другом торгуемых (экспорториентированных) отраслей, которые отличаются устойчивой тенденцией к совместной локализации [Куценко и др., 2019, с. 71]. Так, сравнение отраслей специализации субъектов РФ и видов деятельности, сформированных на их территориях кластерных инициатив, проведенное в исследовании Е.С. Куценко и других авторов, показывает наличие этой проблемы и по отношению к регионам Юга России. Исходя из совпадений отраслей специализации субъектов РФ и видов деятельности для сформированных в них кластерных инициатив, авторы выделили четыре группы по критериям числа отраслей специализации региона и активности кластерной политики при поддержке государства [Куценко и др., 2019].

Из СКЭР в первую группу субъектов с наибольшим числом отраслей специализации и одновременно активно проводящих политику кластеризации с потенциалом масштабирования (то есть инициативы по созданию кластеров по большей части совпадают региональной отраслевой специализацией) включена только Ростовская область (27 отраслей специализации, из которых в 8 реализуются кластерные инициативы). Краснодарский край имеет 23 отрасли специализации, но в них не реализуют кластерных инициатив. В группу

субъектов со средним числом отраслевой специализации и при этом реализующих неспециализированную политику кластеризации (то есть кластерные инициативы сформированы как в рамках отраслей региональной специализации, так и вне этих секторов) включен из субъектов СКЭР Ставропольский край (11 отраслей специализации и одна кластерная инициатива в них). В группе субъектов с малым числом отраслевой специализации, но пытающихся реализовать политику кластеризации (то есть проекты кластеров формируются вне отраслей региональной специализации) оказалась Карачаево-Черкесская Республика с одной кластерной инициативой, несовпадающей с отраслями специализации республики. Остальные 5 субъектов СКЭР остались в группе нереализующих кластерную политику и имеющих незначительное число отраслей специализации [Куценко и др., 2019, с. 85–86].

Таким образом, региональная экономическая политика в СКЭР в целом не может считаться эффективной, так как она не приводит к формированию значимых кластерных групп (отраслей специализации) и реализации кластерных инициатив (приоритетов регионального развития).

Выводы

В Северо-Кавказском экономическом районе соседствуют субъекты с существенно разными уровнями экономического развития, однако темпы роста практически всех республик СКЭР в целом выше, чем по России, что позволяет надеяться на сокращение отставания при сохранении наметившихся тенденций. Лидером экономического района по-прежнему остается Краснодарский край, опережая по всем экономическим показателям другие субъекты. Недавнее получение городом Краснодаром статуса города-миллионника дает дополнительный импульс для дальнейшего развития региона. В Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. Краснодар наряду с Ростовом-на-Дону включен в группу перспективных крупных центров экономического роста, вклад которых в экономический рост Российской Федерации ожидается на уровне более 1 % ежегодно. Внутрирегиональная неравномерность экономического раз-

вития не позволяет Ростовской области улучшить показатели ВРП при наличии грамотной кластерной политики в регионе. Экономический застой в Ставропольском крае усугубляется несфокусированной экономической политикой по развитию региональных кластеров.

К числу «динамичных» субъектов СКЭР, с которыми связаны надежды на сокращение экономического неравенства на Юге России, следует отнести Республики Адыгея, Дагестан и Чечня. Снижение социально-политической напряженности во многом бы способствовало наметившемуся росту экономики в Ингушетии. «Проблемными» в экономическом плане субъектами СКЭР по-прежнему остаются Кабардино-Балкарская Республика и Северная Осетия – Алания, факторы сдерживания экономического роста в которых требуют специального исследования. Экономическое развитие этих субъектов СКЭР также зависит от повышения эффективности региональной экономической политики, поддержки их «умной специализации».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

The reported study was funded by RFBR, project no. 19-011-00270.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Куденко, Е. С. Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию / Е. С. Куденко, В. Л. Абашкин, Е. А. Исланкина // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 65–89. – DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89>.
- Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 : утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640 (ред. от 27.12.2018). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/fe0fcde01af39800bd620af2a8e83bd5634875f4. – Загл. с экрана.
- Регионы России. Социально-экономические показатели // Приложение к сборнику. Федеральная служба государственной статистики РФ. – 2018. – Электрон. текстовые дан. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/4890740049342bcf8657de3fbd401489.
- Регионы Северо-Кавказского федерального округа: сравнительный анализ конкурентоспособности и стратегий развития / под науч. ред. д.э.н., проф. Б. С. Жихаревича и к.э.н. А. Б. Крыловского. – № 215. – 2010. – 184 с. – (Серия: Научные доклады: независимый экономический анализ ; Моск. общ. науч. фонд).
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019 г. – 2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>. – Загл. с экрана.
- Alesina, A. Public Goods and Ethnic Divisions / A. Alesina, R. Baqir, W. Easterly // The Quarterly Journal of Economics. – 1999. – Vol. 114, iss. 4. – P. 1243–1284. – DOI: <https://doi.org/10.1162/003355399556269>.
- Alesina, A. Ethnic Diversity and Economic Performance / A. Alesina, E. La Ferrara // Journal of Economic Literature. – 2005. – Vol. 43, № 3. – P. 762–800. – DOI: <https://doi.org/10.1257/002205105774431243>.
- Annett, A. Social Fractionalization, Political Instability and the Size of the Government / A. Annett // IMF Staff Papers. – 2001. – Vol. 48, no. 3. – P. 561–592.
- Campos, N. F. On the Dynamics of Ethnic Fractionalization / N. F. Campos, N. F. Kuzeyev // American Journal of Political Science. – 2007. – Vol. 51, iss. 3. – P. 620–639. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00271.x>.
- Collier, P. Greed and Grievance in Civil War (English) / P. Collier, A. Hoeffler. – Washington : World Bank, 2002. – 32 p.
- Cultural Diversity, Economic Development and Societal Instability / D. Nettle [et al.] // PLoS ONE. – 2007. – Vol. 2, iss. 9, e929. – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0000929>.
- Dincer, O. C. Ethnic Diversity and Economic Growth in China / O. C. Dincer, F. Wang // Journal of Economic Policy Reform. – 2011. – Vol. 14, № 1. – P. 1–10. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17487870.2011.523985>.
- Easterly, W. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions / W. Easterly, R. Levine // The Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112, iss. 4. – P. 1203–1250. – DOI: <https://doi.org/10.1162/003355300555466>.
- Fractionalization / A. Alesina [et al.] // Journal of Economic Growth. – 2003. – Vol. 8, iss. 2. – P. 155–194. – DOI: <https://doi.org/10.3386/w9411>.
- Grafton, R. Q. Social Capital and National Performance: A Cross-Sectional Analysis / R. Q. Grafton, S. Knowles // The Journal of Environment and

- Development. – 2004. – Vol. 13, iss. 4. – P. 336–370. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1070496504271417>.
- Gören, E. How Ethnic Diversity Affects Economic Growth / E. Gören // *World Development*. – 2014. – Vol. 59. – P. 275–297. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.012>.
- Patsiurko, N. Measuring Cultural Diversity: Ethnic, Linguistic and Religious Fractionalization in the OECD / N. Patsiurko, J. L. Campbell, J. A. Hall // *Ethnic and Racial Studies*. – 2012. – Vol. 35, iss. 2. – P. 195–217. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579136>.
- Posner, D. N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa / D. N. Posner // *American Journal of Political Science*. – 2004. – Vol. 48, iss. 4. – P. 849–863. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>.
- Ratna, N. N. Is Diversity Bad for Economic Growth? Evidence from State-level Data in the US / N. N. Ratna, R. Q. Grafton, T. Kompas // *The Journal of Socio-Economics*. – 2009. – Vol. 38, iss. 6. – P. 859–870. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.05.006>.
- Rodrick, D. Where Did All the Growth Go? External Shocks, Social Conflict and Growth Collapses / D. Rodrick // *Journal of Economic Growth*. – 1999. – Vol. 4, iss. 4. – P. 385–412. – DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1009863208706>.
- The Quality of Government / R. La Porta [et al.] // *The Journal of Law, Economics and Organization*. – 1999. – Vol. 15, iss. 1. – P. 222–279. – DOI: <https://doi.org/10.1093/jleo/15.1.222>.
- REFERENCES**
- Kutsenko E.S., Abashkin V.L., Islankina E.A. Fokusirovka regionalnoy promyshlennoy politiki cherez otraslevuyu spetsializatsiyu [Focusing Regional Industrial Policy via Sectorial Specialization]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 5, pp. 65-89. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89>.
- Obshcherossiyskiy klassifikator ekonomicheskikh regionov OK 024-95. Utv. Postanovleniem Gosstandarta Rossii ot 27.12.1995 № 640 (red. ot 27.12.2018)* [All-Russian Classifier of Economic Regions OK 024-95. Approved by the Resolution of the State Committee on Standardization, Metrology and Certification of Russia of December 27, 1995, no. 640 (As Amended on 27 December 2018)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/fe0fcde01af39800bd620af2a8e83bd5634875f4/.
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. *Prilozhenie k sborniku. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF* [Appendix to the Collection. Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/4890740049342bcf8657de3fbd401489.
- Zhiharevich B.S., Krylovskiy A.B., eds. *Regiony Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga: sravnitelnyy analiz konkurentosposobnosti i strategiy razvitiya* [Regions of the North Caucasus Federal District: Comparative Analysis of Competitiveness and Development Strategies], 2010, no. 215. 184 p. (Seriya «Nauchnye doklady: nezavisimyy ekonomicheskyy analiz», Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond [Series “Scientific Papers: Independent Economic Analysis”, Moscow Public Science Foundation]).
- Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: utverzhdena Rasporyazheniem Pravitelstva RF № 207-r ot 13.02.2019 g.* [The Spatial Development Strategy of the Russian Federation Until 2025. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation no. 207-p of February 13, 2019]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122jAe7irNxc.pdf>.
- Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions. *The Quarterly Journal of Economics*, 1999, vol. 114, iss. 4, pp. 1243-1284. DOI: <https://doi.org/10.1162/003355399556269>.
- Alesina A., La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, 2005, vol. 43, no. 3, pp. 762-800. DOI: <https://doi.org/10.1257/002205105774431243>.
- Annett A., 2001. Social Fractionalization, Political Instability and the Size of the Government. *IMF Staff Papers*, vol. 48, no. 3, pp. 561-592.
- Campos N.F., Kuzeyev N.F. On the Dynamics of Ethnic Fractionalization. *American Journal of Political Science*, 2007, vol. 51, iss. 3, pp. 620-639. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00271.x>.
- Collier P., Hoeffler A., 2002. *Greed and Grievance in Civil War (English)*. Washington, World Bank. 32 p.
- Nettle D., Grace J.B., Choisy M., Cornell H.V., Guegan J.F., Hochberg M.E. Cultural Diversity, Economic Development and Societal Instability. *PLoS ONE*, 2007, vol. 2, iss. 9, e929. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0000929>.
- Dincer O.C., Wang F. Ethnic Diversity and Economic Growth in China. *Journal of Economic Policy Reform*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 1-10. DOI: <https://doi.org/10.1080/17487870.2011.523985>.
- Easterly W., Levine R. Africa’s Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. *The Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112, iss. 4,

- pp. 1203-1250. DOI: <https://doi.org/10.1162/003355300555466>.
- Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, 2003, vol. 8, iss. 2, pp. 155-194. DOI: <https://doi.org/10.3386/w9411>.
- Grafton R.Q., Knowles S. Social Capital and National Performance: A Cross-Sectional Analysis. *The Journal of Environment and Development*, 2004, vol. 13, iss. 4, pp. 336-370. DOI: <https://doi.org/10.1177/1070496504271417>.
- Gören E. How Ethnic Diversity Affects Economic Growth. *World Development*, 2014, vol. 59, pp. 275-297. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.012>.
- Patsiurko N., Campbell J.L., Hall J.A. Measuring Cultural Diversity: Ethnic, Linguistic and Religious Fractionalization in the OECD. *Ethnic and Racial Studies*, 2012, vol. 35, iss. 2, pp. 195-217. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579136>.
- Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*, 2004, vol. 48, iss. 4, pp. 849-863. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>.
- Ratna N.N., Grafton R.Q., Kompas T. Is Diversity Bad for Economic Growth? Evidence from State-level Data in the US. *The Journal of Socio-Economics*, 2009, vol. 38, iss. 6, pp. 859-870. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.05.006>.
- Rodrick D. Where Did All the Growth Go? External Shocks, Social Conflict and Growth Collapses. *Journal of Economic Growth*, 1999, vol. 4, iss. 4, pp. 385-412. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1009863208706>.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. The Quality of Government. *The Journal of Law, Economics and Organization*, 1999, vol. 15, iss. 1, pp. 222-279. DOI: <https://doi.org/10.1093/jleo/15.1.222>.

Information About the Author

Anna V. Ermishina, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Economic Theory Department, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, AVermishina@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7333-3426>

Информация об авторе

Анна Вениаминовна Ермишина, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, AVermishina@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7333-3426>